

КАРЕН РЭННИ
ШОТЛАНДСКАЯ
ЛЮБОВЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P96

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Karen Ranney
A SCOTTISH LOVE

Перевод с английского *М. А. Афанасьевой*
Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Рэнни, Карен.

P96 Шотландская любовь : [роман] / Карен Рэнни ; [пер. с англ. М. А. Афанасьевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (мини-Шарм).

ISBN 978-5-17-093066-1

Несколько лет назад Шона Имри из ложной гордости отвергла предложение героя Наполеоновских войн Гордона Макдермонда, не поверив в его любовь.

И уж тем более она не намерена верить чувствам Гордона теперь, когда оказалась в одиночестве и бедности, а он стал богатым баронетом...

Однако настоящий шотландец прежде всего упрям. И Гордон, для которого она по-прежнему остается единственной женщиной в мире, не намерен отступить: Шона, мечта всей его жизни, должна принадлежать ему душой и телом...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Karen Ranney, 2012
© Перевод. М. А. Афанасьева, 2007
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-093066-1

Глава 1

Осень 1859 год

Инвернесс, Шотландия

На пороге гостиной стоял Гордон Макдермонд собственной персоной. Стоял — и смотрел на нее так, словно она обязана пригласить его в дом и приветить, как дорогого гостя.

Она бы с большим удовольствием принимала у себя сатану.

Несколько мгновений Шона просто сидела и смотрела на Гордона. Все звуки стихли, да и самый воздух как будто застыл.

Гордон вошел в гостиную и шагнул к Шоне, не сводя с нее глаз.

Сердце у нее колотилось так отчаянно, что его стук отдавался даже в горле. И отчего так взмокли ладони? Это же просто Гордон.

Посторонний человек, взглянув на него, увидел бы обычного высокого мужчину с правильными чертами лица — прямым носом, квадратной челюстью. Женщина подумала бы, что подбородок его выдает упрямство, и недалеко бы ушла от истины. Один уголок рта у Гордона

был всегда чуть-чуть приподнят. В детстве это придавало ему вечно удивленный вид, теперь же — вид циничный. Слегка изогнутые брови, пристальный, почти пронзительный взгляд голубых глаз. Волосы подстрижены короче, чем того требовала нынешняя мода, но Гордон никогда ею особенно не интересовался. Такой красивый мужчина, как он, полагал, что вправе делать что угодно, даже бриться тогда, когда все другие отпускают бороду и усы.

Однако выражение его глаз существенно отличалось от того, каким оно было у него в юности: мальчишескую восторженность, улыбку и живость сменила настороженность. Он слишком многое повидал на своем веку. Как, впрочем, и все они.

Семь лет назад они были глупы, наивны и совсем не знали жизни. За это время им пришлось узнать чуть больше, чем хотелось бы, о том, что может приключиться с человеком вдали от дома.

Ее брат говорил, что Гордон невредимым вернулся с крымской и индийских войн. Ему явно повезло больше, чем Фергусу.

Шона медленно поднялась, но ничего не сказала. А что тут скажешь? «Выметайся из моего дома, Гордон Макдермонд»?

— Графиня. — Гордон поклонился, однако взгляд его был прикован к четверем дюжим парням, стоявшим в дальнем конце комнаты. Настороженность в его глазах сменилась мрачностью.

Шона, удивленная такой реакцией и невероятно ею довольная, снова села и стала наблюдать за ним.

В гостиной царил полумрак: шторы на единственном окне были плотно задернуты. Набитый конским волосом диван, на котором она сидела, стоял под прямым углом к небольшому камину. Рядом, на линиялом

бельгийском ковре, располагалось кресло с прямой спинкой. Над камином висел гравированный гербовый щит — ненужная роскошь, муж заказал его за год до смерти.

— Сколько раз она жалела о деньгах, потраченных на эту безделицу! Ее ведь даже продать нельзя.

В дальнем углу в почтительном молчании стояли четверо мужчин.

— Эти люди голые, — проговорил он.

Она оскорбительно медленно обвела его взглядом снизу вверх: сначала до блеска начищенные башмаки, потом синие саржевые брюки, сюртук и жилет в тон. Посмотрев ему в глаза, Шона снова улыбнулась: хмурое лицо Гордона обрадовало ее безмерно.

— Ну не совсем голые. Они просто сняли рубашки.

— Для чего?

А какое ему вообще дело? Однако она ответила — не потому, что он заслуживал ответа, а потому, что ответ мог его разозлить.

— Это претенденты на место моего лакея.

— И вам необходимо опрашивать их в таком виде?

Если этот факт его и раздосадовал, он ничем не выдал своих чувств. На губах Гордона играла легкая улыбка, но Шона достаточно его изучила. Ему отнюдь не весело, глаза его не выражают ничего.

— Ну конечно же, нет, — признала она.

Хелен подошла и встала рядом с ней. Уже больше часа щеки ее пылали ярким румянцем. Ее компаньонка обладала всеми мыслимыми и немыслимыми девичьими добродетелями, хоть уже давно вышла из девического возраста.

— Вы, значит, оцениваете их данные?

Шона снова улыбнулась. Замечательно, у нее есть шанс потягаться с ним в умении владеть собой.

— Возможно, я хочу убедиться, что кандидат не страдает от истощения. — Или что у него достанет силы выполнять свои обязанности.

Кстати сказать, все четверо кандидатов были великолепны. Предпоследний, правда, отличался некоторой худобой, но пресс имел более рельефный, чем остальные. Тот, что стоял ближе всего к ней, был шире всех в плечах. Следующий за ним поигрывал грудными мышцами, и со стороны казалось, что он мог бы по-кошачьи мурлыкать. Последний стоял, широко расставив ноги, очевидно, для его, так сказать, данных, требовалось небольшое пространство.

Пять лет она пробыла замужем за человеком на срок лет старше ее и потому с огромным удовольствием разглядывала четверых полуголых парней, не чувствуя за собой никакой вины. Будь у нее деньги, она наняла бы всех четверых. Но к несчастью, ее средств не хватает даже на горничную — поэтому именно Хелен открыла Гордону дверь и проводила его в дом.

Ее так и подмывало попросить Хелен, чтобы та немедленно проводила его обратно. Отдала ему шляпу и перчатки и отправила восвояси.

Гордон Макдермонд нам тут не нужен.

Но она знала, зачем он пришел, и потому молчала.

— Можете одеваться, — улыбнулась она соискателям. — И пожалуйста, сообщите мисс Патерсон свои имена. — Она кивнула на Хелен.

Щекастый парень, одеваясь, подмигнул ей. Она едва удержалась, чтоб не подмигнуть ему в ответ.

Гордону это, кажется, пришлось не по душе.

Подумать только, какая жалость.

Пока молодые люди одевались, в зале висела напряженная тишина. Соискатели один за одним покидали гостиную.

Когда все ушли, Шона перевела взгляд на Гордона. Он глаз не отвел.

«Уходи».

— Сэр Гордон, примите поздравления с титулом баронета, — сказала Хелен, вернувшись в комнату.

— Ах, вы его где-то выиграли? — уточнила Шона.

— Нет, — процедил он сквозь зубы, — мне его пожаловали в награду.

— Жаль, что они ничего не пожаловали Фергусу, — ответила она, с трудом растягивая губы в улыбке.

— По-вашему, Крест Виктории — это ничего, графиня?

— Титул баронета передается по наследству, сэр Гордон. А крестом можно разве что похвастаться перед знакомыми. Титул мог бы многое компенсировать.

Он взглянул на нее, точно видел впервые. Как на незнакомку. «Нет, Гордон, я не чужая тебе. Но и не подруга, нет».

— Фергус чудесный человек. Любая женщина это поймет.

— О да, конечно же, вы правы, — она бросила на него взгляд, которым можно было бы отсечь оба уха, — если только эта женщина закроет глаза на его хромоту и постоянные боли.

Он не ответил, отчего Шона разозлилась еще сильнее. Она сделала глубокий вдох и взяла себя в руки.

— Вы были его командиром. Вы должны были его уберечь.

— Это война, графиня.

— Он пошел на войну из-за вас, — ответила она и сама подивилась своему хладнокровию. — Он не учился военной науке. А вы учились. Он ничего не знал об артиллерии. А вы знали. Он понятия не имел, что такое

война. А вы, осмелюсь предположить, все это изучали в военном колледже. — Она улыбнулась, в очередной раз подавив вспышку гнева. — Он пошел воевать только потому, что вы пошли. И вы, будучи его лучшим другом, должны были его защитить.

— Твой муж купил для Фергуса офицерский чин. Если уж тебе так не хотелось, чтобы он шел на войну, ты и сама могла это предотвратить.

— Если желаешь повидаться с Фергусом, он в саду. — Она подала компаньонке знак. — Хелен вас проводит.

Хелен придвинулась поближе.

— Шона, с тобой все в порядке?

Нет, Бог свидетель, с ней не все в порядке. У нее внутри кровоточит столько ран, даже странно, что она еще не в луже крови стоит..

— Да, — спокойно ответила она, через силу улыбаясь. — Со мной все хорошо, Хелен, благодарю тебя.

Она подождала, пока они выйдут из комнаты, и откинулась в кресле, закрыв глаза.

Неужели прибытие Гордона — это ответ на ее молитвы? Она не могла оставить Фергуса здесь и допустить, чтобы его вышвырнули на улицу. Она должна позаботиться о его судьбе. Вчера она получила письмо. Ее торопят... От этого ее положение становится еще ужаснее.

Согласится ли он, если она попросит его о помощи? Или откажет — лишь бы наказать ее?

Она красива, как и всегда. Когда они виделись в последний раз, Шона только-только вступила в пору своего цветения и с наслаждением исследовала новообретенную власть женских чар. Он пал к ее ногам. Ради Шоны Имри он сделал бы что угодно. Он предложил ей свое сердце, свое состояние и будущее. Она же вышла

за графа Мортонна, человека с титулом и большим поместьем. В те времена у него самого не было ни титула, ни обширных владений. Единственное, чем он превосходил графа Мортонна, это молодость.

Но это не имело для Шоны никакого значения. Подумаешь!

Годы лишь отшлифовали красоту Шоны, сделали ее еще более привлекательной. Черный траурный наряд оттенял кожу цвета слоновой кости и розовые губы, сочные, манящие. Ее глаза были бархатисто-серыми, и темное кольцо вокруг радужки только подчеркивало их дымчатый цвет. Он как-то сказал, что влюбленный мужчина может утонуть в ее глазах, они словно вызывают об этом. Шона лишь рассмеялась и повела плечами. Тогда он притянул ее к себе и поцеловал. Он до сих пор ощущал вкус ее облачно-мягких губ. У нее был слегка курносый носик, очень аристократический, как он шутливо заявил одним дождливым днем.

— И это очень тебе идет.

— А во мне есть еще что-то аристократическое? — осведомилась Шона.

Он расправил одеяло и оглядел ее пышную грудь, порозовевшую от недавней любовной игры.

— У тебя очень благородная грудь, — ответил он. — Очень аристократическая. Ты только посмотри, как затвердели соски, они прямо-таки требуют моего внимания.

Помнит ли она?

Разве могла она забыть?

Хелен что-то сказала ему, обернувшись через плечо. Гордон не подал вида, что не расслышал ее, что пребывает за много миль, за много лет отсюда. Он улыбнулся и спросил:

— Вы давно знакомы с графиней?

— Граф приходился мне троюродным братом, — ответила она. — Когда мой отец умер, граф взял меня к себе и сделал компаньонкой графини.

У него в голове не укладывалось, что девушке, которую он некогда знал, требовалась компаньонка, но ведь когда-то он точно так же не представлял ее замужем за графом Муртоном. Этот образ он много лет гнал от себя. Ему захотелось расспросить, какой стала Шона. Неужели скандальной особой, которая постоянно предается занятиям из разряда тех, что ему только что пришлось наблюдать? Он сдержался и задал вопрос о Фергусе:

— Ему нездоровится?

Хелен кивнула:

— Он до сих пор очень худ. Так и не оправился от своих ранений.

Чудо, что Фергусу не ампутировали левую ногу после Лакхнау. Гордона пронзило чувство вины. Он полгода, с момента их возвращения из Индии, не навещал Фергуса.

Следуя за Хелен, он спустился по лестнице в сад. Трава пружинила под ногами. Высокая живая изгородь, окружавшая узкий прямоугольный двор, отбрасывала густую тень. Яркий солнечный свет заливал центр газона, и на этом пятачке стояло кресло. В нем сидел, откинув голову назад и подставив лицо солнцу, человек.

Гордон никогда не считал себя трусом, однако в эту минуту ему захотелось развернуться и уйти. Тот, кто сидел в кресле, казался слишком худым и немощным, чтобы быть другом его детства, самым лучшим другом. Они вместе росли, поверяя друг другу тайны и мечты, играли среди скал и валунов Бан-Ломонда. Возмужав, они делили невзгоды, что выпадают на долю солдат на войне. Даже перед лицом смерти они поддерживали друг друга.

— Ты, значит, греешься тут на солнышке, как кот, — сказал он прежде, чем Хелен успела открыть рот.

Фергус обернулся, и Гордона передернуло. На узком лице ввалились щеки, озорная улыбка, не сходявшая с губ Фергуса даже в самые опасные моменты, бесследно исчезла. Лицо его друга приобрело землистый оттенок и несло на себе печать страдания.

— Выходит, стоит человеку получить Крест Виктории, как он уже мнит, что ему больше ни дня не придется работать?

Фергус вознамерился встать, но Гордон уже заметил костыль, прислоненный к креслу с другой стороны. Он подошел к Фергусу и положил руку ему на плечо:

— Не надо, сиди.

— Боже правый, ты до сих пор ведешь себя как мой командир, — ответил Фергус, не без усилия улыбаясь.

Гордон присел на корточки рядом с креслом.

— Несладко тебе пришлось.

Фергус улыбнулся уже более естественно:

— Ты явно наслушался рассказов Шоны.

Гордон покачал головой.

Фергус рассмеялся:

— Что, неужели она с тобой не разговаривает? Или до сих пор занята с лакеями?

— Тебе известно, что она заставила их снять рубашки?

— Да, я сам делал пометки об их достоинствах. — В улыбке Фергуса появилось что-то мальчишеское, напоминавшее о прошлом. — Сестра заслужила немного веселья. — Его улыбка померкла. — Это ей несладко пришлось, Гордон.

Он отбросил эту мысль, чтобы обдумать позже. В этот момент Гордона больше заботил Фергус, нежели его сестра.

Ложь.

— Я приехал узнать, как у тебя дела. Я только что вернулся.

— Стало быть, лондонские девицы чахнут с тоски по тебе.

— Лишь некоторые.

— Ты, черт возьми, стал национальным героем.

У Гордона потеплело на душе.

— Ну, это вряд ли.

— Ты ж теперь баронет. — Фергус улыбнулся шире.

— А другие что? — спросил он, чтобы сменить тему, и стал перечислять имена людей, служивших под его командованием сначала под Севастополем, потом в Лакхнау; людей, за которых он до сих пор чувствовал ответственность. Бойцы Девяносто третьего полка хайлендеров, сатерлендские горцы, парни, каких не сыскать.

— Макферсон умер от ран, Дубоннер тоже. Маршал совсем плох, как я слышал. А другие все живы-здоровы.

— Надо было мне вернуться раньше.

— Когда военное министерство отдает приказ, Гордон, то ему не откажешь просто так, даже ты. Особенно если генерал настаивает на том же. Я понимаю, в Лондоне тебе было тошно — конечно, если тамошние девицы не искали твоего внимания, — добавил Фергус.

— Таких было немного, — повторил он.

Хелен где-то раздобыла стул и теперь тащила его через газон. Гордон подошел к ней, забрал стул и поблагодарил улыбкой.

— Он умер, — объявил Гордон, поставив стул напротив Фергуса и усевшись.

Всего два слова, сказанные на удивление равнодушно. Ни горя, ни злости, ни даже облегчения не слышалось в них.

— Правда? А я-то думал, старик собирался жить вечно, — сказал Фергус, глядя вдаль.

— Уверен, он всерьез это планировал, — сухо отозвался Гордон.

— Как это случилось?

— Во сне. Ему, наверное, это ох как не понравилось. Он испустил дух не в припадке бешенства, не в кураже бесчинства. Просто однажды утром не проснулся, и все.

Они обменялись взглядами: они ничего не забыли. Сколько раз он сбегал от отца в Гэрлох? Сколько раз они с Фергусом предавались мальчишеским забавам и старались не думать о том, что Гордона дома непременно накажут? Генерал-лейтенант Йен Макдермонд проявлял свое неудовольствие любыми доступными способами, будь то крики, хлыст или палка.

— Стоит ли мне принести свои соболезнования? — осведомился Фергус.

— Разве что сатане, — улыбнулся Гордон. — Представляешь, как генерал будет командовать Вельзевулу: «Налево кру-угом!» Он в аду камня на камне не оставит.

Помолчали.

— Ты поэтому вернулся домой?

— Потому что генерал больше не властен распоряжаться моей жизнью? Нет, я начал задумываться о том, чтобы уйти в отставку, когда он еще был жив. Кто знает? Может, его смерть послужила последним аргументом. Я решил взяться за фабрику.

Фергус изогнул брови:

— Выходит, ты решил покинуть армию насовсем?

Гордон кивнул.

— Для чего? Чтобы производить порох?

— Пока да. Но у меня есть и другая идея, я давно ее вынашиваю.

Откуда ни возьмись явилась Хелен с подносом в руках:

— Сэр Гордон, я принесла вам глоточек виски, а вам, Фергус, чаю.

— А почему это ему виски, а мне чай? — возмутился Фергус.

Хелен только пощелкала языком, но ничего не сказала.

Гордон взял у нее чашку и стакан. Поблагодарил, и как только Хелен скрылась в доме, отдал стакан Фергусу. Тот залпом опрокинул в себя виски — а Гордону осталась полная чашка травяного чаю. Завар пах цветами — или попросту сеном — и был таким слабым, что сквозь него легко просматривалось дно чашки.

— Что это такое? — спросил он, осторожно пробуя напиток на вкус.

— Что-то для улучшения моего кроветворения, я полагаю. Никогда не знаешь, что Шона или Хелен положили в свое варево на этот раз. Они круглые сутки только и делают, что хлопают крыльями вокруг меня. — Он покосился на дом. — Признаться, я удивлен, что никто не явился, чтобы спасти меня и уложить на дневной сон. Полагаю, за это мне стоит поблагодарить тебя.

Гордону сейчас до ужаса не хотелось говорить о Шоне.

— Так насчет твоего титула... — начал Фергус.

— Отец постарался для этого гораздо больше меня, — перебил его Гордон.

Фергус покосился на него:

— А я-то слышал другую версию. Повторяю, ты, черт возьми, национальный герой. Достояние английского народа.

Гордон пожал плечами.

— Ты стал скромнее, — заметил Фергус. — Как это на тебя не похоже.

Гордон улыбнулся, внезапно обрадовавшись, что пришел. Никто другой не посмеивался над ним, как Фергус. Возможно, ему этого и не хватало.

Фергус поставил стакан на подлокотник кресла. Его рука задрожала от усилия — наглядное подтверждение того, насколько он ослабел.

— Тебе что-нибудь нужно? Что я могу сделать? — Он потрепал Фергуса по руке, ужасаясь тому, насколько она стала тонкой и хрупкой.

— Навешай меня время от времени, — сказал Фергус. — Спаси меня от женской заботы.

— Насчет этого даже не беспокойся — сделаю.

— Даже если Шона тебе откажет.

— Я не отступлюсь, — сказал он, поднимаясь. — Ты прекрасно меня знаешь.

— Один раз уже отступился.

Эти слова попали в него, как пуля в сердце.

Он беззаботно улыбнулся, рассмешив Фергуса.

Брат давно уже не смеялся. Возможно, за одно только это ей стоило бы простить Гордона.

Было время, когда она могла простить ему что угодно.

Воспоминания пронзили ее сердце как стрела.

— У него блестящее будущее, Шона, — сказал генерал Макдермонд, стоя в Акантовой гостиной в Гэрлохе — особенно отвратительной комнате, отделанной в оливково-зеленом цвете, с лепниной в форме листьев аканта на потолке. Подумать только, кому-то из ее предков этот кошмар радовал глаз. — И ты наверняка понимаешь, что, если он останется здесь, на этом будущем можно сразу поставить крест.